

Ефим Ковалерчук

Северная сказка

Кланяясь мачтами, отфыркиваясь паром, «Алмаз» быстро идёт по заливу. Нос корабля испаривает оловянную воду. От бортов разбегаются пенистые усы. За кормой разматывается пузырящаяся дорожка – след вращающихся винтов.

Шквалистые заряды налетают порывами. Острые льдинки вонзаются в кожу лица, рук, саднят, кровянят.

Злобный ветер, проносясь над волнами, срывает пенистые гребни, и с яростью швыряет их навстречу кораблю.

Всё шире, резче качка. Уже явственнее ощущается близость штормового моря. Резвая волна взметнулась перед форштевнем, и с размаху шлёпнулась об ходовую рубку. Слово пушка выстрелила. По стёклам иллюминаторов заструились хрустальные занавески.

Чёрные острозубые берега залива разлетаются в стороны, отстают, тают, растворяются в серой мглистой дымке. Дышит, рокошет, громыкает близкое море.

Проведя на карте чёткую линию, пересекающую залив, Капанадзе засёк время и отметил точку нахождения корабля в данный момент.

«Алмаз» подходит к траверсу Кильдина. В иллюминатор видны широкие, поросшие жёстким кустарником, присыпанные редким снегом, террасы земли. Когда судно кренится на левый борт, остров проваливается вниз, и на смену скучному пейзажу в стекло заглядывает нахмуренное небо. Оно так низко нависло над кораблём, что клотики мачт втыкаются в него, рвут густо-серые переполненные влагой тучи. Тяжёлые, неповоротливые, беспорядочно теснящиеся, похожие на отару перепуганных овец, они мчатся по воле ветра подальше от моря.

Тучи сгущают нависшую, почти осязаемую полутьму. Вот так и не рассветаясь, слегка поредает на пару часов мокрая, пронизанная побережником¹ осенняя полярная ночь.

Кильдин! Крохотный островочек. Всего семнадцать километров в длину и шесть в ширину. Он лежит у самого входа в Кольский залив, точно бездомный угрюмый пёс, свернувшийся во сне. Волны беснуются вокруг, лижут его свалывшуюся шерсть, колотятся об него, а он не шелохнётся. Только серьёзно поглядывает, не поднимая головы, на неуютное море.

Кажется никто не интересуется Кильдином. Только несколько строчек в лоции Баренцева моря, сухая гранка в энциклопедии. Вот и всё. А ведь у Кильдина своя особенная «биография». Там когда-то был большой, по тем временам, саамский посёлок.

- Георгий Ираклиевич!

¹ [ПОБЕРЕЖНИК](#): северо-западный ветер, дующий на архангельском побережье Белого моря со стороны Кольского полуострова.

- Слушаю Вас, товарищ капитан!

- Знаете ли Вы о том, что Кильдин, находящийся всего в полутора километрах от мурманского берега, коренным образом отличается от него своим геологическим строением?

Штурман об этом услышал впервые.

- Но ещё более странным является то, что остров сложен осадочными породами, весьма напоминающими наслоения так далёкой отсюда Новой Земли. К сожалению, наши учёные так и не удосужились до сих пор объяснить это несоответствие в природе. А жаль. Правда, Кильдин не богат ископаемыми, не отличается и богатством флоры. Может быть в этом причина их равнодушия. Возможно. А вот саамы уже в древние времена заметили разницу между островом и соседним материком. Они даже отметили родство Кильдина с Новой Землёй. Отметили и попытались по-своему объяснить странное явление.

Капитан пососал потухшую, но ещё тёплую трубку и, задумчиво глядя на тёмную массу расплывающегося в дымке берега, продолжал:

- Несколько лет тому назад приходилось мне рыбалить в этих местах. Вон там между Рындой и Харловкой. – Он показал на колеблющуюся справа от корабля, уже почти невидимую землю. – Однажды в сильный шторм зашли мы туда отстояться. Здесь в устье какой-то речушки стояла небольшая фактория. Сёмгу солили. А рядом саамское становище. Вот в этом становище и повстречал я одного чудесного старичка. Он мне рассказал старинную саамскую сказку про Кильдин. Хотите послушать?

Капанадзе закивал головой. – Да, да!

- Ну, тогда слушайте старинное народное предание о людях смелых и сильных духом, о людях, вступающих в единоборство с тёмными силами природы, о людях, своим упорством и волей к победе преодолевающих все преграды на пути к желанной цели. Старый саам говорил, что узнал эту притчу от своего родителя, который слышал её от своего деда, а тот ссылался на свою бабушку, умершую в столь далёкие времена, что теперь не только могилы её, но даже и места, где находился её посёлок уже не сыскать в бесконечной тундре. Очень, очень старинная сказка.

Случилось это в ту пору, когда ещё первые люди пришли на берег Студёного моря. Столько лет прошло тех пор, что даже скалы поседеть успели. А тогда они только-только из-под воды поднялись и в силу входить начинали.

Пришли люди на то место, откуда море своё начало берёт. Неприветливо встретил их этот край. Какой уж тут привет! Кругом голые скалы, пустынная тундра и холодное море. Ни деревца, ни даже травинки не растёт. Только мох-ягель на камнях, да редкие лишайи. Небо такое же как море. Свинцовое. Сердитое.

Осмотрелись землепроходцы. Почесали затылки. Покряхтели. И было от чего кряхтеть. Невесело, одним словом.

Но только не такой это был народ, чтоб духом пасть, чтоб испугаться или - того хуже – вспять повернуть.

Упорные люди. Кремень. Подстать тем скалам, что вокруг на них смотрятся. Пришли, значит быть посему!

Старшой забил посох в сырую каменистую почву. За ним и остальные свои вежи поставили. Раскинули становище. Назвали его Мур-ма. Это по саамски означает морской берег. Уже много лет спустя стали его называть теперешним именем Мурманск. На русский манер.

Так вот, значит, остановились. Осмотрелись. Стали приспособливаться к новой жизни.

А хозяином тех мест был сам Рота – Властитель ада. Иначе – Сатана. Всё ему здесь было подвластно. Всё ему подчинялось. И земля и небо. И рыба в море, и рососомаха в тундре. Даже скалы, даже само могущественное море склонялись перед его сатанинской волей.

Только пришлые люди не спросились у Рота. Закрепились на берегу и всё глубже и глубже забираются в чёртову вотчину. И оглянуться не успел Властитель ада, а уж настроили человечки по всей тундре свои чумы. Зачадили дымом. Дальше больше. Спустили на воду лодьи. Лавливают рыбу. Куда ни помотришь – всюду люди.

Ох, и рассердился же нечистый. Как завоет, как зарычит:

- Ух вы, такие-сякие! Как вы здесь получились? Как посмели взойти в моё царствие? А ну, убирайтесь подобру поздорову, пока я вас... Проваливайте немедленно! Чтоб и духу вашего не было!

От того дьяволова рыка всё кругом ходуном заходило. Налетели ледяные колючие ветры со снежными зарядами. Завертелось всё. Заплясало в бесовской лихоманке. В море занялись высоченные волны. Что твои горы. Бегают по воде, лбами сталкиваются, об скалы кувалдами молотят. По тундре жестокая позёмка побежала. Снег весь сдула. Землю льдом сковала. Даже оленю – бедолаге до мха не добраться. Кажись, всё кругом замёрзло. Только ветер завывает – ууубиррраййтесь!!!

Закутались люди в оленьи шкуры с головы до пят. Одни глаза наружу. В такой малице и унтах человеку никакой мороз, ни какой ветер не страшен. Пусть Тигг – самый злой северный ветер, хоть лопнет от натуги.

Обернулся Тигг к Рота, виновато опустил косматую голову с седою ледяною бородою. Не смеет на хозяина глаз поднять. Руками разводит:

- Ничего, мол, не поделаешь, сам посмотри...

Видит Рота, не прогнать ему людей так просто. Их на испуг не взять. Они ещё дальше в тундру забрались. Кажись, всю заграбастали. И в море далеконоько стали ходить. Даром что на жидких посудинах, а уж того и гляди до самого дьяволова логова – до Новой Земли и даже ещё дальше, к Груманту подбираются.

Совсем взбеленился Рота. В неистовой злобе заскрипел зубами. Слюна ядовитая у него из пасти закапала. Куда капнет, там только камень чёрный останется. Земля обугливается. Куда копытом топнет, там скалы рушатся, валунами в море скатываются.

Подбежал Рота к краю Новой Земли, вцепился когтями и ну её рвать. Только крепка мёрзлая земля. Больно крепка. Не поддаётся. Ишь до чего дошло. Даже земля перестала поддаваться. Самому Рота не поддаётся. Ещё пуще озлился Сатана.

- Ага! И ты туда! Так вот тебе...

Поднатужился изо всех сил. Из под когтей кровища хлещет, глаза желчью налились.

Рванул раз, другой, третий... Аж взмокрел. Ещё нажал. Ещё... Пар от него пошёл. До самых туч поднялся.

- Ррраз! Ррраз! Ррраз!

Передохнул и ещё ретивее взялся. Из пасти огонь пылает. Гром гремит. Дымом всё небо заволокло. Ррраз! Ррраз! И вдруг Хлоп! Оторвал огромный кусище. Такой большой, что едва-едва поднял. Поднял над головой и заревел. Туда-сюда помотал над головой, размахнулся, и каак запустит...

Прямо в Кольский залив.

Очень ему хотелось запереть выход из залива в море. Не выпустить людей. Заморить их голодом и холодом. Пусть маются на мёрзлой земле. Пусть тундра станет для них могилой. Пусть узнают, как против Рота идти.

Швырнул Сатана тот кус земли. Целился он прямо между берегов залива. Но немножечко не рассчитал. Самую малость ошибся. Вот настолечко. Чуть-чуть не долетел чёртов подарочек. В сторону всего на мизинчик отклонился. Плюхнулся в воду поближе к тому берегу, где Териберка...

«Алмаз» круто накренился на левый борт. Сквозь грохот и рёв шторма с мостика доносится зычный голос старшего помощника Харченко:

- Митрохин, не рыскать!

- Есть не рыскать.

Переваливаясь с борта на борт, корабль ложится на заданный курс. Капанадзе внимательно следит за картушкой компаса. Она медленно возвращается в нужное положение. Ещё немножечко. Ещё чуть-чуть. Во, во, вот так. Теперь правильно.

Судно раскачивается. Всё сильнее и сильнее. Волны с грохотом обрушиваются на палубу, разбиваются о тумбу шпиля, с треском шлёпаются об настройки, стремительно несутся с бака на ют. Крен достигает уже сорока, сорока пяти градусов. Корабль ложится на воду то одним, то другим бортом. На штурманском столике карандаши, циркуль, линейка, даже прижимные грузики срываются с мест, катятся от буртика к буртику.

- Ну и мотает, чёрт возьми!

В голове гудит. Грудь стянуло невидимыми обручами. Трудно продохнуть. Давит под ложечкой...

Штурман встряхнулся. Он поймал и забросил в ящик весь свой нехитрый чертёжный инструмент. Очередная волна так круто накренила «Алмаз», что Георгий с трудом успел ухватиться за скобу и повис на ней, а то бы его шлёпнуло об переборку.

- Ох, как мотает!

Стало нехорошо. Неприятное чувство подкатывает к горлу...

- Нет! Так нельзя. Надо переключить внимание. Не надо думать о качке. Ну её...

Капитан видит, что молодой штурман здорово побледнел. Он понял – всё ясно.

- Георгий Ираклиевич! Сколько там на румбе? Ага, отлично. Спасибо. Ну, слушайте дальше:

- Швырнул, значит Рота в Кольский залив кусок Новой Земли, но не попал. Не смог запереть выход в море.

Штурман повернулся к капитану. Держась за скобы, он пробует шутить:

- Сдрейфили, наверно, люди, когда Шайтан сбросил к ним такой огромный камень. Целый остров. Я был однажды в горах во время обвала. Очень страшно было. Камни сыплются горохом. Грохот ужасный. Что гром? Гром – чепуха! У меня едва барабанные перепонки не лопнули. Так это же так... камешки. А тут такой кусок, такая громадина в воду бабахнула... Вай, вай...

Игумнов улыбнулся. Он приподнялся на локте, заглянул на прокладку курса.

Штурман с беспокойством проследил за взглядом капитана. Что-то он заметил, непорядок что-ли? Нет! Вон Павел Степанович снова спокойно улёгся на диван, откинулся на подушку, достал из нагрудного кармана трубку, набил её табаком, с «аппетитом» раскурил.

- Всё в порядочке!

Корабль продолжает раскачиваться на крутых волнах. Временами его особенно сильно встряхивает. Это он попал на боднувшиеся водяные горы. Корпус судна мелко дрожит от напряжённо работающих машин. Ветер свистит, воеет, гудит, извивается в фалах мачт, в проводах антенны.

Раскурился, как следует, трубку, Павел Степанович ответил на вопрос штурмана:

- Нет, не испугались люди грохота. Они у моря ко всему привыкли. И к штормам, и к другим капризам Сатаны. Правда, когда остров тот упал, волна очень высокая, очень злая по морю пошла. Куда далеко за сопки перемахнула. До сей поры в тундре няши остались.

Долго море ходуном ходило. Только, наконец, и оно снигло. Тогда вышли люди на лодках в залив, посмотреть чего там Рота накуролесил. Видят – новый остров. Совсем новый остров, и на хорошем месте встал. Отсюда на промысел вполне удобно ходить. Очень даже удобно. Сподручно.

Осмотрели саамы остров. Походили по нему. Подумали и решили на этом острове большое становище поставить. Так и сделали.

Кильдин остался за кормой.

Вокруг, куда ни бросишь взгляд, мечутся гривастые, бешеные быки. Ветер разошёлся на полную силу и, ударяя по воде бичами, гонит стада диких волн прямо на корабль. Пена, шипя, растекается по палубе...

«Алмаз» рвётся всё вперёд. Вперёд! Вперёд!

Нос судна врезается во встречную волну, отбрасывая зелёно-белые чайчи крылья. Корабль кренится, вздымается, проваливается между пляшущими волнами...

Приходилось вам когда-нибудь наблюдать работягу-муравья, бегущего по своим трудовым делам? Перед ним изрытое, рытвинистое поле, густые, почти непроходимые заросли травы. При кругозоре муравья каждая кочка должна ему казаться кратером гигантского вулкана, каждый пригорок – Эльбрусом, каждая тропинка – бесконечным трактом. Но он не обескуражен. Упрямо бежит муравей вперёд, как то ориентируясь на местности, выбирая только ему ведомую и безусловно правильную дорогу, которая непременно выведет его к родному муравейнику.

Наверное, с большой высоты корабль в штормовом море похож на муравья. Вокруг него гарцуют высоченные волны. Ветер обрушивает на судно всю свою ураганную мощь, нахлестывает на него тысячетонные массы воды. Могущественные злые силы со скрежетом зубовным оттаскивают корабль с курса, кружатся сами и кружат его, швыряют из стороны в сторону, пытаясь завихрить, затянуть в чёрно-зелёную пучину... А судно настойчиво, терпеливо, снова и снова выныривает, отряхивается, идёт вперёд по своему пути. И так кабельтов за кабельтовым, миля за милей.

Свирепый зверь с размаху шлёпает могучей лапой по железному борту. Вокруг всё гудит, шипит, грохочет, лязгает, воеет... Взлёт, провал. Взлёт, провал. Крен на правый борт, на левый. Дифферент на корму, на нос...

Задребезжал звонок телефона. Механик просит разрешения остановить левую машину для срочного ремонта.

- Что, подшипники перегрелись?

- Нет. Лопнула крышка цилиндра. Понимаете, Павел Степанович ...

- Всё понятно. Уложите в полчаса?

- Так точно, уложимся. Разрешите приступить к ремонту?

- Добро.

Игумнов посмотрел на часы, заметил время – для порядка. Неполадки всегда случаются в самое неподходящее время. Ну чего проще обнаружить эту злополучную трещину в крышке цилиндра во время стоянки или, в крайнем случае, когда шли заливом. Заменяли бы, да и дело с концом, без всякого урона. Благо, запас крышек имеется. Так нет же, должно такое случиться в штормовом море! Впрочем, сейчас-то машины работают с большим напряжением. От этого и казусы происходят...

Человек, который не бывал в машинном отделении в штормовую погоду, никак не сможет представить себе поистине адский труд механиков, которым помимо всего прочего нужно в срочном порядке отремонтировать механизмы.

Ход корабля резко уменьшился. Качка стала ощущаться ещё пуще прежнего. Труднее рулевому. Корабль на малом ходу хуже слушается руля. У правой машины остался один Малахов, остальные заняты ремонтом. Малахов взволнован. Ещё бы: товарищи вкалывают, а ему приходится только похаживать вокруг двигателя, да поглядывать в их сторону, - эх ма... Пощупаем, не перегрелись ли цилиндры. Нет, ничего, однако прибавить масла не мешает. Что там показывает тахометр? Как идут дела у ребят?.. Тяжело, однако - же. Ноги так и катаются по жирным пайолам. Держись, брат, а то так пристукнет, только успевай синяки считать.

А море продолжает бесноваться. Ревёт, неистовствует ветер. Пляшут громадные волны, жонглируя судёнышком.

В дверях показался перемазанный соляром, взлохмаченный, но довольный механик.

- Разрешите доложить, машина в порядке. Можно запускать.

Игумнов посмотрел на часы. Прошло двадцать две минуты. На мостике раздалась характерная трель машинного телеграфа. Заработал второй двигатель. Корабль, словно почуя приток новых сил, рванулся вперёд, врезался во встречную волну, располовинил её, взлетел на следующую. Павел Степанович прошёл к дивану, вытащил из кармана трубку, мельком, как бы невзначай взглянул на штурмана. Тот очень бледен, тяжело дышит.

- Так вот, Георгий Ираклиевич, дорогой мой штурманец! Прошу Вас послушать конец этой сказочки про Кильдин.

Значит, осмотрели саамы остров, и построили на нём посёлок. Стали и оттуда далеко в море уходить. Добрались-таки до Новой Земли и до Груманта. До Шпицбергена добрались. И не просто так, интересу ради, а там и закрепились. Вот до чего настырный народ.

Тут уж хочешь, не хочешь, а приходится самому Рота сматывать удочки. Ведь каждому хорошо известно, что где люди обосновались, там самому Сатане крышка выходит. Как с ними справиться? Сатана один, а их тьма... Всё равно, что мошкара. Разве от комаров кулаками отмахнёшься? Налетели и знай себе покусывают. Ну, двух – трёх придавишь, ан гляди, их уже десятки, сотни присосались. Тянут кровушку. Только успевай поворачиваться. Так и люди. Никакого с ними сладу нет. Куда от них схоронишься? Разве есть ещё на земле такое место, где человеком не пахнет? Нет на земле такого места.

Подумал этак старый Рота, и тоска его обуяла. Даже завыл с досады. Воеет и рвёт на себе седые космы. Долго муторился, а потом взял да и сиганул на дно морское. Нырнул он к своему сородичу – Властителю подводного царства, забрался в его подводный чум. Лежит и ярит себя. Выдумывает, как бы похлеще насолить людям, отомстить им за всё, за все свои неудачи. Всё в голове перебрал, все средства перепробовал. А всё нет такого способа, чтоб человека с насиженной им земли прогнать.

Нет! Не бывало такого за весь век, чтоб люди по своей воле оставили ту сторонку, которая их потом полита, чтоб ушли они оттуда, где их отцы и деды захоронены, чтоб позабыли те места, где они впервой на лыжи встали, где узнали подлинную дружбу мужчин, где свет солнца увидели, радость любви познали, отеческую гордость почуяли... Нет, не было такого. Пусть сурова, трудна, неприветлива, а всё же своя, родимая матушка – земля, кормилица. Ни за что не отступится от неё человек. Так то.

От таких дум совсем невоготу становится Рота. В бессильном гневе терзает он свою косматую грудь. В зобу у него так и клокочет. Ядовитая желчь к самому дыхалу подступает. И вот тогда встаёт Сатана во весь свой громадный рост. Встаёт и раздвигает лапищами морскую пучину. Высовывает из-под воды свою рогатую образину и ну реветь. Так ревёт, что на другом конце света слышно.

На тот рёв, как волки на свежую оленину слетаются самые что ни на есть злые ветры. Они заваливают всё небо кипами рваных туч, поднимают гряды озверелых волн, стравливают их на кулачные бои, на смертельные схватки...

- Совсем как сейчас, - вставляет своё слово Капанадзе, - наверное, у Шайтана срок подошёл. Смотрите, пожалуйста, что он вытворяет!

Словно в подтверждение слов штурмана, «Алмаз» тяжело ухаёт в провал между волнами. Всей своей трёхсоттонной тяжестью корабль плюхнулся килем о твёрдую, как асфальт, воду. Налетевший заряд пурги резанул по надстройкам пулемётной очередью колючих, тяжёлых, что свинец, ледяшек. Вслед за первым налетел второй, третий, четвёртый заряды. Они атакуют ходовой мостик. Тонкие льдинки впиваются в кожу рук, лица. Солёные брызги смывают кровь, но больно саднят, покрывают одежду известковой плёнкой. Ретивая, агрессивно настроенная волна рывком догнала судно, ударила под корму, резко спихнула его с курса.

- Митрохин, держать на румбе!

- Есть держать на румбе.

Рулевой Геннадий Митрохин низкорослый, но удивительно крепкий коренастый матрос. Широко расставив ноги, он балансирует у штурвала, не отрывая глаз от картушки компаса. Трудно, очень трудно выдерживать курс на такой резвой волне. Трудно заставить корабль не вихлять, не рыскать, идти прямо, экономично. Митрохин хорошо знает повадки волн, капризы ветров, нрав моря. Он сам местный, из поморов. Помору не привыкать у руля корабельного управляться. Корабль его слушается. Как конь. Тот тоже сразу чувствует, понимает опытного всадника, подчиняется его воле.

Волна хитрит, заходит справа, слева, наваливается на бак, захлёстывает корму. Но и человек силён. Он не пугается слепых сил стихии. Её неуёмной силе он противопоставляет неутомимые машины, стальной корпус, ясный предусмотрительный ум.

Штурман притянул к себе переговорную трубку.

- Приготовиться к повороту!

- Есть приготовиться к повороту. На румбе...

-Лево на борт! Од-д-держивай! Два градуса правее. Од-д-держивай! Так. Так держать!

- Есть так держать. На румбе...

«Алмаз» повернул влево. Далеко впереди, там, где бурое небо навалилось на чёрную грудь моря, мигнули испуганные огоньки. То один, то другой. То правее, то левее. Вспыхивают и гаснут. Вспыхивают и гаснут. Это открылись створы Мотовского залива.

Мурманск, 1934.

24 марта 2016 года. Публикуется впервые.

© Copyright: Ковалерчук Ефим Соломонович